

Деревянное зодчество рассматривается как основа русской культурной идентичности, дается краткий экскурс в историю его сохранения. В качестве современных примеров сохранения деревянной городской застройки рассмотрены проектный и практический опыт Иркутск, Томск, Няндомы и Таллин. К потерям последнего времени второстепенно упомянут уникальный рабочий поселок Чагода, выстроенного из дерева в стиле конструктивизма. Подчеркивается необходимость коренной общественной переоценки национальных ценностей и традиционного русского деревянного дома.

Ключевые слова: деревянный городской дом; музейфикация деревянных сооружений в СССР; 130-й квартал в Иркутске; проекты сохранения и реконструкции деревянных жилых построек в Томске и Няндоме; реконструкция района Калмая в Таллине, поселок Чагода.

Wooden architecture is regarded as a basis for Russian cultural identity. A short journey into the history of its preservation is made. The design and practical experiences of Irkutsk, Tomsk, Nyandoma and Tallinn are viewed as contemporary examples of preservation of wooden urban houses. The author considers starting demolition of the unique workers' settlement Chagoda built from wood in the constructivist style to be one of the recent losses. The article points out the necessity of cardinal public reevaluation of national values and a traditional Russian wooden house. Keywords: urban wooden house; museification of wooden structures in the USSR; 130 Quarter in Irkutsk; projects of preservation and reconstruction of wooden houses in Tomsk and Nyandoma; reconstruction of Kalamaja neighborhood in Tallinn; Chagoda settlement.

^ Рис. 1. Муром. Улица. Фото автора. 2005

Городской деревянный дом и его судьба / The urban wooden house and its fate

текст
Мария Н. Щокин /
text
Maria Nashchokina

«Не так уж давно было время, когда жизнь человека целиком определяло дерево. Русь со своими белокаменными храмами все же называлась деревянной: из дерева делался крестьянский дом, из дерева выдалбливалась детская колыбель, вырезались чашки и ложки, стругались доски для домины» [4, с. 5], – так писали архитекторы-реставраторы 1970-х гг., создававшие музей деревянного зодчества в подмосковной Истре. Как тут не вспомнить, что деревянный дом на Руси считался более здоровым, чем каменный, а в средние века даже в богатых боярских усадьбах жилые помещения располагались в деревянных постройках или надстройках над каменными подклетами и этажами (всем известные каменные дома XVII века во Пскове служили лишь основанием не дошедших до нас деревянных жилых этажей). Когда уже в Новое время некоторые помещики-филантропы пытались переселить своих крестьян в каменные дома, чтобы уберечь от частых пожаров, те, искренне полагая, что их хотят извести в нездоровых каменных домах, пре-

зрительно превращали новостройки в нужники. Светелки, теремки, повалуши, башенки – а это все деревянные сооружения – во многом сформировали представления народа о красоте в архитектуре. Исторически сложившийся приоритет деревянного дома, его красота и легкость возведения превратили его в традиционный национальный тип жилья, сравнительно мало изменявшийся с течением времени и органично вошедший в совокупный зрительный образ России. А. С. Пушкин замечал: «Наружный вид русской избы мало переменялся со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его «Путешествию». Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году» [8].

И все же в каждом из регионов нашей страны деревянный дом имел свои образные, художественные и строительные особенности, обеспечивая и развивая богатство традиционной народной культуры. В Новое время он стал меняться под влиянием городской культуры, впитывать стилевые черты времени, что выражалось в его

> Рис. 4. Москва. Наличник деревянного жилого дома в районе Божеедомки. 1970-е

> Рис. 5–6. Иркутск. Наличники деревянных домов. 2013

образе и декоративном убранстве, хотя основа – сруб с прирубями, наличниками и крыльцами, по существу, оставалась прежней (рис. 1–3). Нарышкинский стиль и елизаветинское барокко вплели в наличники городских домов сочный растительный декор (рис. 4–6); почти столетняя эпоха классицизма ознаменовалась рождением «деревянного ампира» [13] (рис. 7) (ампирная Москва после пожара 1812 года была в значительной степени отстроена из дерева), а развитие русского стиля привело к появлению многочисленных мезонинов и широкому использованию нарядной пропиленной резьбы [4, с. 6]. Впрочем, эти перемены не изменили главного – сословной универсальности деревянного жилища, его приспособленности к российским морозам и сравнительной простоты возведения и ремонта. Все это обусловило традиционность и национальную самобытность русского деревянного жилого дома.

Благодаря лесному богатству нашей страны, соответствию деревянного жилища климату и быту русского человека вплоть до Великой Отечественной войны деревянные мещанские, купеческие и дворянские жилые дома еще составляли основной массив жилого фонда не только во многих средних и мелких провинциальных городах, но и городах крупных – губернских. Даже в Москве вплоть до 1970-х годов сохранялись целые деревянные районы (Марьино Роща, Напрудная и Бутырская слободы, Божедомка, Самотека и т. д.), хотя их судьба уже была предрешена: на смену им быстро пришла продукция типового домостроения. Вторая половина XX века и начало XXI века в градостроительстве России ознаменовались широкомасштабной ликвидацией этого «некапитального» жилья и замене его на «капитальные» – многоквартирные кирпичные, блочные или панельные дома. В этом процессе, по революционной инерции «до основания разрушавшем» приметы прежней дореволюционной жизни, виделся в те годы архитектурный и социальный прогресс, в плодотворности и закономерности которого мало кто сомневался.

С началом нового этапа развития капитализма в России, с утверждением права частной собственности на землю, в том числе городскую, с интенсивным развитием строительной отрасли процесс трансфор-

мации облика российских городов сильно ускорился, что особенно наглядно обнажило утраты самобытных градостроительных и архитектурных черт в их облике. Повсеместное агрессивное распространение типовой многоэтажной застройки стало угрозой для сохранения облика исторических городов России с большим процентом уникального деревянного жилья – для Иркутска, Томска, Вологды, Тобольска и некоторых других. Вот лишь несколько примеров. За последние 15–30 лет исчезли почти все самобытные деревянные кварталы Архангельска; практически полностью утрачен деревянный Тобольск вместе с домами, где жили декабристы; угроза уничтожения нависла над интереснейшим деревянным наследием Иркутска – домами с удивительно пластичными и гигантскими по размеру наличниками; быстро тает узорное деревянное наследие Томска (рис. 8–9); исчезают деревянные кварталы центра Саратова с удивительно разнообразными и красивыми домиками и т. д. Традици-

^ Рис. 2–3. Арзамас. Деревянный дом. Общий вид, деталь. 2005

v Рис. 7. Балахна. Деревянный оштукатуренный дом. 2013

^ Рис. 8–9. Томск. Деревянная застройка. 2019

v Рис. 11. Берген (Норвегия). Набережная Брюгген с деревянными тавернами и складами. Объект всемирного культурного наследия

^ Рис. 10. Орхус (Дания). Улица музея «Старый город». 1914

онная городская деревянная застройка быстро уходит и из большинства средних и малых городов России.

Не существует культа национального «русского дома» во всех его ипостасях – будь то величественный северный пятистенок или шестистенок, сравнительно небольшой крестьянский дом Центральной России или казацкий дом, городской деревянный особняк, усадебный дом с мезонинами и портиком или даже нарядная дача конца XIX – начала XX века и ее более скромные советские наследницы 1930–1950-х годов. В связи с масштабами современного многоэтажного строительства вопрос перешел уже в другую плоскость: сохранится ли вообще исторический тип русского деревянного городского жилища?

Осознание уникальности русского деревянного зодчества на государственном и общественном уровне произошло сравнительно недавно – после Великой Отечественной войны. В годы «коттепели» (1956–1964) и в так называемые годы застоя («развитого социализма»), как окрестили впоследствии период правления Л. И. Брежнева (1964–1982), в стране, наконец, возродилось историческое краеведение, возникло Общество охраны памятников истории и культуры (1965) и был принят первый общесоюзный Закон об охране и использовании памятников истории и культуры (1976). Эти десятилетия оказались на редкость плодотворными не только для развития реставрационного дела в нашей стране, но и для инициатив по сохранению деревянного зодчества. Достаточно сказать, что подавляющее большинство музеев деревянного зодчества, которых в нашей стране (увы!) совсем немного, было основано и открыто именно в эти годы – Малые Корелы (1964), Мышкин (1966), Кижы (1966), Витославицы (1967), Музей народов Забайкалья (1968), Шушенское (1968 – реконструкция и создание музея-заповедника), Тальцы (1969), Хохловка (1969), Щёлоковский хутор (1973), Василёво (1976), Нижняя Синячиха (1978), Семеново (1979), Истра (1981), Новосибирск (1981).

Удивительно, но в те далекие 1960–1970-е годы уже была осознана проблема безвозвратной утраты традиционной деревянной городской застройки. В 1976–1977 годах автору довелось участвовать в уникальном проекте

^ Рис. 14. Большая Кремлевская улица – первая улица Тулы.
Рис. автора. 1977

^ Рис. 15. Тула. Деревянная застройка. 1976–1977

v Рис. 12–13. Тула. Музей деревянного зодчества. А. План. В. Вид с восточной стороны. Архитектор М. В. Нащокина при участии Л. А. Потапова, М. В. Енишерлова. Рук. А. В. Воробьев. Фото с макета

– созданию первого в стране музея деревянного городского зодчества в Туле, который был инициирован Тулоблсполкомом и Министерством культуры РСФСР в 1973 году [6, с. 156] (руководитель А. В. Воробьев, автор М. В. Нащокина при участии Л. А. Потапова и М. В. Енишерлова). О создании заповедного участка ценной деревянной застройки в городе в те годы речь не шла; постройки должны были быть перевезены на новое место (выбран был Тульский Кремль). Конечно, с сегодняшней точки зрения это компромисс, но важно подчеркнуть, что уже тогда на высоком государственном уровне осознавалась важность сохранения лучших образцов малоэтажной усадебной деревянной городской застройки, в основном – второй половины XIX – начала XX века, которая обрекалась на скорое безвозвратное исчезновение.

Задание на проект музея городского деревянного зодчества Тулы было, с одной стороны, очень своевременным (в городе начинался снос двух рабочих слобод – Чулковой и Кузнецкой, где сохранялось много исторической деревянной застройки), с другой – безусловно, новаторским: ведь музей городов застройки даже в Европе в те годы насчитывались единицы. Хотя уже в первом в мире музее под открытым небом в шведском Скансене (1885) экспонировалось несколько городских сооружений XVIII – XIX веков, первым музеем, целиком посвященным городской культуре, стал «Старый город» в датском Орхусе (Den Gamle By, 1914) (рис. 10), в который свезены 75 жилых и общественных сооружений из разных городов Дании. В 1937 году в Турку на основе участка сохранившейся исторической деревянной застройки создан Музей ремесел, в который примерно половина сооружений была перевезена из других районов города или воссоздана. После Второй мировой войны создан квартал городских деревянных домов в норвежском Бергене в районе ганзейской набережной Брюгген с раскрашенными в яркие цвета деревянными тавернами и складами, планировка (1070) и внешний архитектурный облик которого не менялись несколько столетий (рис. 11). Музеем сохранившихся фахверковых домиков города Йорка в Англии (ул. Шемблз), музеем исторического города Этыр в Болгарии (1963) и несколькими

музеями в США список музеев деревянной городской архитектуры и быта в те годы практически исчерпывался. К сожалению, после утверждения подробного эскизного проекта тульского музея, тщательного обследования деревянной застройки города и отбора нескольких ярких сооружений для музейной экспозиции, их обмеров и подготовки реставрационной документации (часть построек даже была разобрана и перевезена в Тульский Кремль), работы были остановлены, и музей так и остался на бумаге: наступали другие времена... Больше попыток создать музей деревянной городской застройки в нашей стране не предпринималось (рис. 12–16).

Конечно, за прошедшие полвека в нашей жизни многое изменилось. Вследствие последовательной, почти вековой пропаганды ценностей городской жизни и урбанизации, традиционный деревянный дом в России почти потерял привлекательность в качестве основного жилья. Большинство горожан, да и сельских жителей он не воспринимается как национальное культурное достояние

и эстетическая ценность. Об этом можно судить не только по опросам населения, которое до сих пор, в основном, мечтает переехать в многоквартирные новостройки, но и по дачной застройке последнего времени, в которой преобладают капитальные строения. А если деревянные дома все же строят, состоятельная публика предпочитает отнюдь не русский дом, а финские сборные и немецкие фахверковые дома или швейцарские шале. Понятно почему: и в Скандинавии, и в Швейцарии, и в Германии, и во Франции, и в Италии, да и по всей Европе бытует подлинный культ своего национального дома, который бережно и любовно, до мелочей обихожен и профессионально (!) приспособлен к современным требованиям комфорта. В традиционном доме Европы жить престижно и удобно, что и подталкивает наших соотечественников с развитым комплексом неполноценности, значительно укрепившимся в последние десятилетия, к подражанию. Может, и вправду из великого многонационального государства мы превращаемся в захудалую европейскую

в Рис. 15. Тула. Деревянная застройка. 1976–1977

^ Рис. 18–19. Проект приспособления деревянного жилого дома под элитное жилье. К. В. Манило (ТГАСУ). Рук. Л. С. Романова

провинцию, а «жизнь в провинции страдает от комплекса подражания» [10, с. 183]?

Никто не взывает к нереальной цели сохранения всего существующего в России деревянного жилого фонда; скорее, речь идет об отношении к традиционным культурным ценностям, включая жилище и образ жизни русского провинциального города. Ведь уходит не просто тип постройки, а большая часть национальной культуры, даже не изученная во всей своей глубине и многогранности. Хотя деревянных строений сегодня еще немало в малых и средних городах России, если не воспрепятствовать сейчас их тотальному исчезновению, то процесс окажется необратимым, и мы лишимся наследия, которое сегодня составляет абсолютную ценность любого развитого европейского государства, хорошо понимающего, что сбережение традиционного жилища – одно из важных оснований самобытности национальной культуры.

Сразу скажем, что экономика здесь ни причем. К примеру, в Финляндии деревянные дома в городке Порвоо (Борга) помогает поддерживать государство, активно развивая его туристскую привлекательность, а в Швейцарии, где люди сохраняют и строят традиционные деревянные шале за свой счет, их стоимость намного превосходит стоимость каменного жилья. Словом, дело прежде всего в желании и государственных органов, и городских жителей. Предпочтение многоквартирного городского дома базируется на простых и вполне объективных причинах: любая квартира, пусть даже в неказистой пятиэтажке, оснащена инженерными сетями, которые делают ее априори комфортнее. Однако что мешает сейчас провести инженерные сети в сохранившиеся в центрах исторических городов добротные деревянные дома? Ведь тогда владельцы старинных деревянных домиков сразу превратятся в хозяев городских особняков с приусадебными садами, что сделает их жизнь заведомо комфортнее и, по сути, явится реальным возрождением традиционного образа жизни русского города. Это, кстати, кое-где уже стали понимать сами жители, не желая расставаться с родовыми гнездами. В качестве примера можно привести борьбу московских властей с владельцами деревянных домов в Бутове и успешное переоборудование старых

деревянных домов под комфортное жилье жителями Ефремова, Пlesa и др.

Что же делать, чтобы не потерять безвозвратно значительную часть национального архитектурного наследия?

Справедливости ради скажем, что опыт сохранения городской деревянной застройки у нас все же есть. Сохраняются по мере возможности деревянные домики Суздаля, чему помогает музейный статус города. Аналогичным путем идет набирающий туристическую привлекательность Плес; есть удачные опыты переоборудования деревянных домов в Гороховце, Мышкине, Ярославле, Томске [12]. К сожалению, они единичны. За сохранение ценнейшего деревянного наследия Иркутска не без успе-

v Рис. 17. Иркутск.
Застройка 130 квартала.
2013

^ Рис. 20. Проект приспособления деревянного памятника архитектуры под двухквартирный жилой дом. Н. С. Карпенко (ТГАСУ). Рук. Л. С. Романова

^ Рис. 21. Няндомка. Комплекс первоначальных построек Вологодско-Архангельской линии Северной железной дороги. Станция Няндомка. 1895–1900; 1904–1918; 1920–1930. Проект достопримечательного места. План. Авторы: студенты Д. Мишагина, Т. Попова и Ю. Шушковская (СПб ГАСУ). Рук. Н. М. Петухова

ха борются сибирские архитекторы. Реконструкция 130 квартала Иркутска (2011) – один из ярчайших примеров последнего времени, который может стать своего рода образцом и, будем надеяться, отправной точкой кардинального изменения подхода к исторической деревянной застройке крупных городов страны. 65 деревянных домов, реконструированных в реставрационном режиме на новых фундаментах с небольшим процентом сохранившихся подлинных деревянных деталей, включая 16 воссозданных утраченных строений и около десятка построек, перенесенных из других районов города, в каком-то смысле составили музей городского деревянного зодчества, подобный упомянутым музеям в Турку, Бергене или Йорке. Однако отличие в том, что квартал в целом не является музеем, а потому он стал не столько туристической достопримечательностью (хотя и ею, несомненно!), сколько живым многофункциональным центром притяжения жителей (рис. 17). Размещенные в домах галереи, выставочные залы, кафе, рестораны, музеи и офисы оказались архивостребованными горожанами. Квартал многолюден, в него приходят отдыхать и просто гулять. Для частных инвесторов, финансировавших реставрационные и строительные работы, стало полной неожиданностью, что проект необычайно быстро окупился и стал приносить доход.

Конечно, для сохранения уникального деревянного наследия Иркутска, где стоят целые улицы интереснейших домов, квартал – это капля в море, но именно его успешный опыт дал толчок следующим инициативам. По словам Елены Григорьевой, успех 130 квартала вселяет надежду, «что Иркутск продолжит правильную линию и уже в скором будущем деревянные кварталы центра станут его гордостью, а проектный, строительный и инвестирующий комплексы объединятся в стремлении умножить число комфортных и ярких кварталов города» [1]. Сегодня в Иркутске реализуются сразу три направления, связанных с реконструкцией застройки, в том числе «Иркутские кварталы» [9, с. 90]. Один из основных принципов проекта «Иркутские кварталы»: «Сохранение наследия, бережное отношение к истории. Мы исходим из принципа, что все находящиеся на территории объекты культурного наследия должны быть реставрированы,

а утраченные восстановлены. Так мы сохраним идентичность этого места, идентичность старого Иркутска. Сохраняются исторические красные линии всех улиц» [5, с. 74]. В то же время авторы считают, что «новые объекты не должны имитировать исторические здания. Современная архитектура, в том числе с использованием деревянных материалов, способна украсить город не меньше, чем памятники зодчества. Сочетание нового стиля и объектов наследия может создать уникальное место в городе, привлекательное как для жителей, так и для гостей» [5]. Каков будет результат заявленных инициатив – покажет время.

Пример Иркутска уникален еще и потому, что его замысел и реализация осуществлены высокопрофессиональной командой архитекторов. Два других примера, о которых хотелось бы сказать, появились благодаря подвижнической работе педагогов архитектурных вузов со студентами. Это инициативные работы, которые рассчитаны на общественный резонанс, на изменение отношения к деревянной застройке.

Нет нужды говорить о безусловной ценности деревянной застройки Томска. Но как ее сохранить? Пока на историческое ядро города с его деревянными кварталами уверенно наступают многоэтажные дома. Путь один – инженерное переоборудование и приспособление домов под современные функции и требования комфорта. Однако крупные проектные организации в таких малобюджетных проектах обычно не заинтересованы. К счастью, проектами реновации деревянной застройки Томска уже давно и последовательно занимается профессор Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ) Л. С. Романова со своими учениками [12]. Студенческие проекты конца 1990-х годов в основном приспособляли деревянных постройки под общественные нужды – поликлиника, музей, проектные бюро. В проектах последнего времени, как правило, сохраняется жилая функция деревянных домов, долгие годы служивших коммунальным жильем. Однако это уже жилье другого класса, вплоть до элитного. Так, двухэтажный деревянный дом с участком переоборудуется под особняк для одной семьи (300 м²) с отдельным садиком и паркингом (ул. Вершинина, 8)

(рис. 18–19) или превращается в комфортный двухквартирный дом (ул. Войкова, 23) (рис. 20). Студентами проведен весь комплекс обследования зданий, сделаны обмеры, выделены детали, требующие реставрации или воссоздания и даже созданы варианты проектных предложений для отделки интерьеров. Значение этих реальных разработок трудно переоценить: студенческие работы выполнены профессионально, но без материальных затрат. Эти проекты наглядно показывают, что существующие деревянные постройки вполне могут стать востребованным современным жильем, и именно этот путь может спасти уникальный облик старого Томска, продолжив его жизнь в современном мире [11].

Нельзя не обратить внимание еще на одну замечательную студенческую работу, побудительным мотивом которой стала программа Архангельской области «Культура Русского Севера» (2013–2024). Это проект, рассчитанный на возвращение историко-архитектурной ценности и туристической привлекательности уникальному железнодорожному поселку при станции Няндама Вологодско-Архангельского участка Северной железной дороги, созданному по проектам московских архитекторов Л. Н. Кекушева и И. А. Иванова-Шица в 1895–1897 годах. Поселок с эффектными деревянными домами в стиле модерн появился по замыслу строителя дороги – знаменитого Саввы Мамонтова и был заселен «мамонами», как по его фамилии местные жители называли приехавших сюда инженеров, технических работников, железнодорожных служащих и рабочих; теперь это город Няндама.

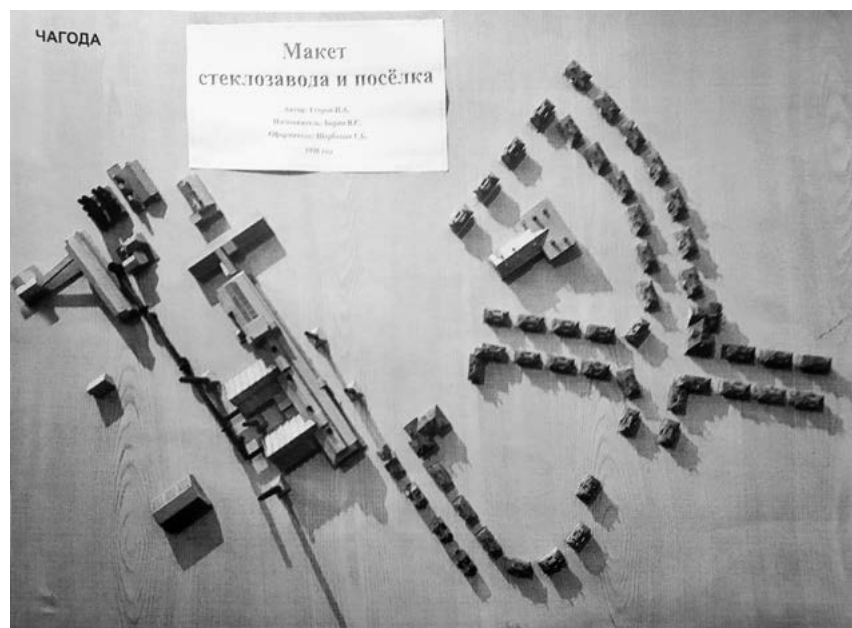
Под руководством главного архитектора проекта «000 Спецреставрация» доцента Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПб ГАСУ) Н. М. Петуховой студентами Д. Мишагиной, Т. Поповой и Ю. Шушковской разработан полномасштабный исследовательский проект старой Няндамы, в котором проанализированы элементы сохранившейся объемно-пространственной структуры поселения, визуальные связи сохранившейся исторической застройки, обозначены диссонирующие объекты и постройки, подлежащие воссозданию, разработаны градрегламенты и предмет охраны достопримечательного места. В резуль-

^ Рис. 22–23. Няндама. Застройка железнодорожного поселка. 2016

тате по поручению губернатора Архангельской области появился реальный проект достопримечательного места «Комплекс первоначальных построек Вологодско-Архангельской линии Северной железной дороги. Станция Няндомы. 1895–1900; 1904–1918; 1920–1930», выполненный студентами СПб ГАСУ, на основании которого комплекс исторических железнодорожных построек станции Няндомы включен органами Охраны наследия Архангельской области в государственный реестр объектов культурного наследия РФ в статусе достопримечательного места (рис. 21–23). Конечно, это только начало пути; предстоит огромная работа по реставрации и реконструкции сохранившихся домов, воссозданию первоначального деревянного вокзала, благоустройству, созданию музейных экспозиций и т. д. Пока, несмотря на героические усилия и энтузиазм музейных сотрудников, нет средств даже на ремонт существующего здания музея.

в Рис. 24. Чагода. Макет фабричного поселка по плану архитектора Н. Троцкого. 1920-е

Приведенные примеры вселяют некоторую надежду, хотя реальность от них, увы, очень далека. Утраты уникальных деревянных объектов продолжают. Вот пример 2020 года. Вероятно, последние дни доживает уникальный жилой фабричный поселок в небольшом городке Чагоде Вологодской области, спроектированный в 1920-е годы выдающимся ленинградским архитектором Ноем Троцким. В плане он первоначально представлял серп и молот и состоял из деревянных домов нескольких типов в стиле конструктивизма (рис. 24–28). Сегодня Чагода, как и многие другие малые города России, хочет привлечь туристов, но при этом собирается уничтожить эту абсолютную архитектурную уникацию (часть ее уже снесена), которая только и могла бы стать подлинным туристическим объектом: ведь нигде в мире нет поселка с таким планом в стиле деревянного конструктивизма! Но четкого понимания архитектурной ценности построек поселка и ответственности за их сохранение у властей города нет, впрочем, как и средств на их поддержание и реконструкцию... Слова одного из первых исследователей русского деревянного зодчества В. В. Сулова, сказанные в далеком 1888 году: «грустно думать, что за какое-нибудь столетие народ окончательно убил в себе все вековые традиции и даже не видит достоинств своего прошлого» [2, с. 445]. Они, похоже, остаются справедливыми и сегодня.

В завершение хочется обратить внимание на поучительный и близкий нам пример, примечательный прежде всего тем, что все сохраняемые деревянные жилые дома продолжают использоваться в качестве частного жилья. Речь пойдет о деревянной городской застройке района Каламая («рыбачье поселение»), примыкающего к центру Таллина. С XIV века здесь располагалась рыбацкая деревня, населенная рыбаками и рыботорговцами; в конце XIX века, когда началось железнодорожное сообщение между Ревелем (Таллином) и Петербургом, здесь поселились заводские рабочие, теперь же – это престижный район таллинской арт-тусовки. Построенные для рабочего люда на рубеже XIX – XX веков (в период Российской империи) и позже, в 1920–1930 годы (время буржуазной Эстонии) небольшие двух- или трехэтажные деревянные дома с незатейливыми резными или просты-

< v Рис. 25–28. Чагода.
Постройки. 2020

ми наличниками и скатными кровлями столица Эстонии признала своим архитектурным наследием, которое бережно восстанавливается (рис. 29–31).

Обратим внимание на масштаб проводимой реставрации и реновации: здесь расположено около 500 (!) разноцветных и разномастных деревянных домов, еще недавно (во времена СССР) бывших на грани полной деградации. Именно они, восстановленные, придают сегодня этой части Таллина, расположенной недалеко от Старого города, неповторимое очарование. Не без помощи Евросоюза муниципалитет Таллина провел комплексную реконструкцию этого района, начав с полной замены инженерных сетей, что обеспечило базовый современный комфорт всем деревянным строениям. Последующие ремонтные работы проводились на разной основе существующими или будущими владельцами домов с привлечением городских субсидий и кредитов. Теперь Таллин гордится этим районом, ставшим очень популярным и недешевым местом проживания, а также центром притяжения художников, музыкантов и туристов всех мастей, поскольку, как с горечью констатируют приезжие из стран Северной Европы, в их странах это наследие оказалось почти полностью утраченным. Специфические черты этого района – малоэтажность, дерево как основной строительный материал, небольшая плотность застройки и ее колористическое разнообразие – поддерживают современные малоэтажные жилые дома, занявшие места утраченных внутри Каламая и расположенные вокруг, помогая сохранять спокойный уличный и внутриквартальный характер архитектуры и уют в озеленении и благоустройстве.

Пример Каламая показывает, как уважение к своему прошлому, разумное и бережное отношение к сложившемуся образу местности, природному ландшафту и даже к строительному материалу создает подлинные ценности современной городской культуры.

Какая же судьба ждет русский городской деревянный дом? Уже более полувека в нашей стране социальный прогресс выражается, прежде всего, в замене индивидуальных деревянных жилищ типовыми многоквартирными

ми многоэтажными домами. Дошедшая до наших дней деревянная застройка XIX – начала XX века продолжает неуклонно исчезать с лица земли (особенно быстро в центре России), навсегда изменяя облик центров исторических городов. Новые деревянные храмы и часовни в последние годы стали строить довольно широко, а вот деревянные строения без сожаления обрекают на снос.

Конечно, проблемы сохранения городского деревянного жилья непросты, они требуют пересмотра подходов, которые долгое время казались единственно возможными. Сверхприбыли от интенсивной типовой многоэтажной застройки исторических центров городов противостоят сохранению в них малоэтажного, в том числе деревянного жилья, что во многих случаях ведет к потерям городской индивидуальности (идентичности). Справедлив вывод О. Железняк: «Существовавшие ранее традиции архитектурной эстетики и систем городского планирования, построенные на контекстуальных отношениях

> v Рис. 29–31. Таллин.
Застройка района Кала-
мая. 2019

с природной средой, вынуждены конкурировать с «эстетикой произвольности "единой мировой архитектуры", не признающей связи ни со спецификой места, ни с культурной индивидуальностью». Это все чаще оставляет нас с единообразной тотальной архитектурой и городской территорией, которые остро нуждаются во «внутреннем культурном значении», отвечающем «духу места» [3].

На протяжении XX столетия в нашей стране шло последовательное идеологическое наступление на многие национальные культурные ценности, формировалось сознание поколений, утративших, по выражению Вячеслава Иванова, «муз и память» [7, с. 3]. В какой-то мере инерция этого подхода еще сохраняется. Безответственная политика вот уже почти век истребляет у русского человека привязанность к родной земле, к месту жизни и занятиям предков. Нужно очень многое сделать

для коренной общественной переоценки исконных национальных ценностей – мировоззрения, архитектуры и народного искусства, быта и образа жизни [11]. Чтобы народ сознательно ответил «да» на вопрос «хотим ли мы сохранить русский деревянный дом – этот древнейший национальный тип жилища?», ему необходима не только материальная поддержка, но и активная пропаганда наследия.

Российский историк и этнограф Марина Громыко писала: «Критикуя недавнее прошлое, важно помнить, что многие беды случились из-за безоглядного разрушения традиционной культуры, неприятия более давнего прошлого. На него-то и нужно взглянуть – объективно, без предвзятости. Познать его и взять из него лучшее. Иначе мы будем снова разрушителями, отшатнувшимися от одних разрушений, но творящими новые» [2, с. 445].

Думается, что путь народа к эволюционному развитию во всех сферах жизни и культуры, к отказу от разрушительных революционных подходов лежит только через обретение уважения к своим корням, к своей национальной культуре. Осознание непреходящей ценности и сбережение традиционного русского деревянного дома – и городского, и сельского – одна из составляющих этого сильно запоздавшего процесса.

Литер тур

1. Григорьева, Е. Кварталы // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 1. – URL: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.930>
2. Громько, М. М. Мир русской деревни. – Москва, 1991. – 446 с.
3. Железняк, О. Идентичность: парадигма культуры и профессиональное пространство // Проект Байкал. – 2014. – № 42. – С. 112–119. – URL: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.42.797>
4. Зайцев, Б., Пинчуков, П. Солнечные узоры. – Москва, 1978. – 142 с. : ил.
5. Иркутские кварталы: Интервью с членом экспертного совета Сибирской лаборатории урбанистики Сергеем Маяренковым // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 75. – URL: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.950>
6. Нащокина, М. В., Воробьев, А. В. Опыт проектирования Музея народного деревянного зодчества города Тулы на территории Тульского Кремля // Реставрация и исследования памятников культуры. – Москва: Стройиздат, 1990. – Вып. III. – С. 156–164
7. От редакционной коллегии // Символ. Журнал христианской культуры, основанный в 1979 году Славянской библиотекой в Париже. – Париж–Москва. – 2008. – № 53–54. – С. 3
8. Пушкин, А. С. Путешествие из Москвы в Петербург. – URL: mir-knig.com/read_344181-1
9. Ткачева, М. И снова об иркутской идентичности // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 88–90. – URL: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1328>
10. Фазолини, Марика. Взгляд на усадьбу, или представление провинциалов о русской столичной жизни // Русская провинция: миф – текст – реальность. Москва – Санкт-Петербург, 2000. – С. 176–186
11. Романова, Л. Общественное использование деревянного зодчества Томска – метод сохранения уникального явления мировой культуры // Материалы 7-й международной конференции Современные проблемы архитектуры и строительства. – 2015. – Флоренция. – С. 625–630
12. Малевич, С. С., Романова, Л. С. Приспособление деревянных исторических зданий к современным потребностям общества // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2016. – № 5 (58). – С. 36–51

References

- Fazolini, M. (2000). Vzgljad na ysadbu, ili predstavlenie provintsialov o russkoi stolichnoi zhizni [A view on a manor house, or the provincials' vision of the life of the Russian capital]. In *Russkaya provintsiya: mif – tekst – realnost* (pp. 176–186). Moscow; Saint Petersburg.
- Grigoryeva, E. (2015). Quarters. *Project Baikal*, 12(46), 1. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.930>
- Gromyko, M. M. (1991). *Mir russkoi derevni* [The world of a Russian village]. Moscow.
- Malevich, S. S., & Romanova, L. S. (2016). Prispособlenie derevyannykh istoricheskikh zdaniy k sovremennym potrebnyam obshchestva [Adaptation of historic wooden houses to the current public needs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 5(58), 36–51.
- Mayarenkov, S. (2015). Irkutsk Quarters. *Project Baikal*, 12(46), 75. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.950>
- Nashchokina, M. V., & Vorobyev, A. V. (1990). Opyt projektirovaniya Muzeya narodnogo derevyannogo zodchestva goroda Tuly na territorii Tulsogo Kremlya [Designing the Tula Museum of Folk Wooden Architecture on the territory of Tula Kremlin]. *Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kultury*, Issue III, 156–164. Moscow: Stroizdat.
- Ot redaktsionnoi kollegii [From the editorial board] (2008). *Symbol. The Journal of Christian Culture Established by the Biblioth que slave in Paris* in 1979, 53–54, 3. Paris; Moscow.
- Pushkin, A. S. (n.d.). *Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg* [Journey from Moscow to Petersburg]. mir-knig.com/read_344181-1
- Romanova, L. (2015). Obshchestvennoe ispolzovanie derevyannogo zodchestva Tomsk – metod sokhraneniya unikalnogo yavleniya mirovoi kultury [Public use of Tomsk wooden architecture as a method of preservation of a unique phenomenon of the world culture]. Proceedings of the 7th International Conference “Contemporary problems of architecture and construction” (pp. 625–630). Florence.
- Tkacheva, M. (2018). Again on Irkutsk identity. *Project Baikal*, 15(56), 88–90. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1328>
- Zheleznyak, O. (2014). Identity: Culture paradigm and professional space. *Project Baikal*, 11(42), 112–119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.42.797>
- Zaitsev, B., & Pinchukov, P. (1978). *Solnechnye uzory* [Solar patterns]. Moscow.